

УДК 32.001:167+141.72+165.731

Ольга Фредовна Русакова

доктор политических наук, профессор,
заведующая отделом философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 374-32-27 rusakova_mail@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ВЕХИ И ДИСКУРСНЫЕ ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье рассмотрены интеллектуальные вехи и дискурсные повороты в истории современной политической философии начиная с 1950-х гг. В контексте конкретно-исторических и интеллектуальных ситуаций раскрывается вклад зарубежных и советско-российских авторов в разработку актуальных проблем политико-философских исследований.

Современная политическая философия, интеллектуальная веха, дискурсивное поле, дискурсивный комплекс, дискурсный поворот.

Историю мировой политико-философской мысли принято делить на исторические этапы. Когда речь идет о западноевропейской политической философии, то обычно периодизация осуществляется по культурно-эпохальному критерию, то есть выделяются политические философии, относящиеся к эпохам Античности, Средневековья, Нового и Новейшего времени. Распространено также деление на классическую и современную политическую философию [4, с. 19-94]. При этом в литературе по истории политической философии мы не встретим общепринятого критерия, отделяющего классику от современности. Одни авторы под современной политической философией подразумевают комплекс политико-философских воззрений, которые вписываются в парадигму философии Модерна – от Ф. Бэкона до И. Канта [20], другие – поворотным моментом от классики к современности считают кризис классического рационализма и классической метафизики рубежа XIX–XX вв. [30].

Поворотом к современности считается также мировоззренческий переход от философско-политической метафизики гегелевского типа к политической праксеологии (учение о социально-преобразовательной деятельности), у истоков которой стояли Маркс, Ницше и Бергсон [3, с. 408]. Для сторонников аналитической философии современная политическая философия начинается с по-

пытках методологического примирения позитивистского и ценностного подхода при изучении политики в середине XX в. [17, с. 15-17].

Ряд авторов в качестве главного признака вступления политической философии в современную эпоху, обозначаемой в некоторых случаях понятием «поздняя Современность», рассматривают кризис либерального проекта философии Просвещения, очередная волна которого пришла на 1960-е гг., и повлекла за собой разнообразные поиски постлиберальной и постмодернистской парадигмы.

Весьма распространенной является точка зрения, согласно которой современная политическая философия представляет собой политико-философскую рефлексию относительно противоречивых реалий постиндустриального информационного общества эпохи глобализации.

Предметом настоящего исследования выступают интеллектуальные вехи и дискурсные повороты, которые характеризуют наиболее значимые моменты в развитии современной политической философии в постиндустриальную эпоху. В хронологическом плане речь пойдет об историческом периоде с 1950-х гг. до наших дней.

За более чем полувековой послевоенный период современная политическая философия испытала разнообразные кризисные моменты, связанные с вызовами времени как интеллектуального плана, так и общесоциального характера, приложила значительные теоретико-методологические усилия для разработки актуальной проблематики, новых идей и концептов. Внутри современной политической философии получили свое развитие многообразные идейно-политические течения, ставшие философской основой для новых общественных движений.

В интеллектуальном пространстве современной политической философии на протяжении нескольких десятков лет совершались существенные теоретические прорывы и дискурсные повороты, которые приводили к заметной активизации политико-философских исследований, направляли их в определенные мировоззренческие, теоретические и тематические русла. Данный процесс, как правило, сопровождался перефокусировкой исследовательского внимания, появлением новой исследовательской оптики и изменениями в конфигурации дискурсного поля политической философии.

Самый крутой и значимый по своим идейно-политическим последствиям дискурсный поворот в современной политической философии произошел в период завершения в конце 1980-х гг. идеологической и социально-экономической конфронтации двух мировых систем – капитализма и социализма. С исчезновением «железного занавеса», разделяющего не только социальный, но и интеллектуальный мир на два противостоящих лагеря, стал разворачиваться процесс формирования единого дискурсивного пространства мировой политической философии.

До того момента, когда прежний дуальный мир распался и вместе с этим наступила фаза распада дуальной картины мира, западная политическая философия и политическая философия советской России развивались в рамках собственных теоретических и идеологических русел, и потому не всегда их вехи и дискурсные повороты совпадали по времени.

Прежде чем непосредственно приступить к анализу интеллектуальных вех и дискурсных поворотов, которыми было отмечено развитие современной политической философии в странах Запада и в России, дадим краткую расшифровку ключевых понятий, используемых в настоящей статье. Таковыми являются «дискурсивное поле политической философии», «дискурсивный комплекс», «интеллектуальная веха», «дискурсный поворот».

Под *дискурсивным полем политической философии* подразумевается полифоническая множественность политико-философских дискурсов классического, неклассического и постнеклассического типов [30, с. 212-229], реализуемых в текстах конкретных авторов, вступающих друг с другом в интеллектуальную коммуникацию.

Дискурсивное поле политической философии носит подвижный, изменчивый и динамичный характер. С появлением в интеллектуальном пространстве данного поля новых дискурсных аттракторов в виде острых вопросов, привлекательных идей, креативных исследовательских позиций, новых интерпретативных разворотов понятий и концептов и т.п. внутри дискурсивного поля возникают зоны или очаги особого интеллектуального притяжения и дискурсного оживления. В данные зоны устремляются все новые исследовательские потоки. Внутри зон наблюдается заметное оживление полемического процесса. На их территории складываются новые исследовательские школы и политико-философские течения. По истечению некоторого времени в пространстве дискурсивного поля возникают новые аттракторы и новые очаги повышенного интеллектуального притяжения. Одновременно с этим изменяется вся внутренняя конфигурация дискурсивного поля.

Дискурсивный комплекс – один из неотъемлемых компонентов дискурсивного поля политической философии. Данного рода комплекс характеризует дискурс того или иного сложно структурированного и многовидового идейно-мировоззренческого течения, сложившегося внутри политической философии. Например, существуют дискурсивные комплексы политической философии либерализма, консерватизма, неомарксизма, феминизма, мультикультурализма, альтерглобализма, евразийства и т.п.

Структурно любой дискурсивный комплекс представлен базовыми авторитетными текстами, содержащими ключевые концепты, постулаты и дискурсные формулы. Например, структурным компонентом дискурсивно-идеологического комплекса классического ли-

берализма выступает дискурсная формула «государство-ночной сторож», а одной из дискурсивных формул альтерглобализма является слоган «киной мир возможен». Структурное ядро дискурсивно-идеологического комплекса представлено системой теоретико-методологических установок и категориальных фильтров, посредством которых формируется определенное видение политических реалий.

Понятие *«интеллектуальная вежа»* служит для обозначения некоего резонансного интеллектуального события (единичного или серийного), с которым связано возникновение в дискурсивном поле политической философии новой интеллектуальной «звезды» или нового интеллектуального «созвездия», выступающих в роли «локомотивов», вытягивающих на дискуссионные площадки политической философии новые эшелоны оригинальных идей, концептов, теорий, интерпретационных моделей. В результате поднимается новая волна интереса к политико-философским исследованиям определенной идейно-теоретической направленности и формируются зоны повышенного интеллектуального внимания.

Под *дискурсным поворотом* нами подразумевается парадигмальная, проблемно-тематическая и эпистемологическая переориентация интеллектуальных усилий «звезд» политико-философской мысли и их последователей в сторону выработки новых смыслов и способов интерпретации политической действительности.

Нередко дискурсный поворот перерастает в эпистемологический или когнитивный прорыв, когда происходит выход в ранее неизвестную теоретико-методологическую область или в новое междисциплинарное поле. Например, совершаемый в последние десятилетия дискурсный поворот, связанный с активным применением в исследовательской практике парадигмы глобализации, привел к множеству исследований, посвященных философско-политическим моделям глобализации – от неолиберальных до радикально альтерглобалистических.

Перейдем далее к выделению конкретных интеллектуальных вех и дискурсных поворотов в истории современной западной и советско-российской политической философии.

Первый значимый дискурсный поворот в современной политической философии стран Запада был связан с событием серийного плана, а именно – с резонансными публикациями в США и в странах Западной Европы работ Х. Аренд («Истоки тоталитаризма», 1951; «Vita activa, или о деятельной жизни», 1956), Ф.А. фон Хайека («Дорога к рабству», 1956), И. Берлина, («Два понимания свободы», 1958), Э. Фёгелина («Порядок и история», 1959). В значительной степени благодаря данным исследованиям на долгое время в центре внимания академической общественности оказались проблемы, связанные с философско-политическим анализом истоков и природы тоталитарных режимов, массового тоталитарного сознания, роли поли-

тических институтов и средств массовой информации в формировании рабского самосознания. В дальнейшем выявленная в 1950-е гг. концептуальная логическая сцепка «тоталитарная власть – рабелепная масса – новые информационные технологии» вошла в исследовательскую ткань множества обществоведческих работ.

Одновременно с формированием новой концептуальной базы осуществлялась интеллектуальная работа по дисциплинарному самоопределению политической философии, разрабатывались вопросы ее позиционирования в системе гуманитарных наук. В данном направлении особенно активно трудился Л. Штраус, опубликовавший в 1955 г. работу под названием «Что такое политическая философия?», в которой отстаивал право политической философии на самостоятельное дисциплинарное существование.

Вокруг публикаций Аренд, Берлина, Хайека, Фёгелина и Штрауса развернулись широкие дискуссии, что закономерно приводило к расширению дискурсивного поля политической философии. В ряде стран развернулась работа над оригинальными концептуальными проектами политической философии, построенной на новых теоретико-методологических основах, что дало повод некоторым исследователям говорить о наступлении ренессанса и даже о «золотом времени» политической философии [25].

Важно также отметить, что на вторую половину 1950-х гг. пришлась первая волна кризиса ортодоксального марксизма в левых кругах стран Запада, что стало следствием разоблачений преступлений сталинского режима в СССР. Одновременно с данным кризисом случился кризис позитивизма в политической науке, который вскрыл ограниченность эмпирических методов исследования при изучении политики и принципиальную роль ценностного подхода для исследования политической практики.

Оба кризиса, по словам итальянского ученого Данило Дзоло, весьма способствовали возрождению интереса научной общественности к политической философии, поскольку как эмпирический позитивизм, так и ортодоксальный марксизм были двумя системами, которые при всех их различиях объединяло принципиальное отрицание легитимности всякой политической философии: «С упадком этих двух догматических доктрин, – отмечает Д. Дзоло, – перед политической философией открылись новые области» [11, с. 73].

Одним из проявлений ренессанса политической философии стали дискуссии, на которых обсуждались вопросы разработки новой исследовательской программы, направленной на критическое преодоление дискурса догматического марксистского и позитивистского скептицизма. К примеру, в Италии широко обсуждалась «карта» критической политической философии, предложенная крупным итальянским мыслителем Норберто Боббио. Согласно Н. Боббио, главной задачей политической философии является не поиск уни-

версальных истин, а критический анализ всех господствующих политических учений и доминирующих идей. В своих лекциях «Политика и культура» Боббио подчеркивал, что «задача интеллигентов заключается в том, чтобы сеять сомнения, а не охотиться за истинами» [цит. по: 37, с. 123]. Основным предметом критики для итальянского мыслителя стали политические доктрины либерализма и социализма, а главной целью его политико-философского проекта – создание теории либерального социализма, соединяющей концепт свободы с концептом равенства.

1960-е гг. были особенно богаты на дискурсивные повороты в политико-философских изысканиях. Собственно говоря, именно в это десятилетие были заложены теоретико-методологические и философские основы многих новейших идейно-политических течений конца XX – начала XXI в.

В данный период впервые в центре внимания исследователей оказалось само понятие дискурса как властного политического ресурса. Распространению дискурсивной тематики в политико-философских исследованиях в значительной степени способствовала широкая популярность ранних работ французского постструктуралиста М. Фуко («Слова и вещи: археология гуманитарных наук», «Археология знания»).

В преддверии студенческой революции 1968 г. в западной политической философии левого толка произошли три ключевых дискурсивных поворота: 1) поворот в сторону интеграции неомарксизма и неотрейдиизма (Л. Альтюссер, Ж. Лакан), 2) поворот от структурализма к дискурсу постмодернизма (Ж. Делез, Ф. Гваттари), 3) поворот к широкомасштабной критике дискурса общества массового потребления в лице представителей Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхеймер, Г. Маркузе, Ю. Хабермас и др.). В итоге сложился обширный дискурсивный комплекс, ставший идейно-теоретической основой для движения «новых левых» и их современных последователей.

Центральным объектом критики фрейдомарксистской и постструктуралистской мысли выступает логоцентристский дискурс власти в постиндустриальном мире капитала. В фокусе внимания Альтюссера и Лакана – структурные иерархические модели дискурса господства, создающие основу для совершенствования и распространения новых манипулятивных технологий в обществе массового потребления. В центре исследований Делеза и Гваттари – дискурсивная машинерия, производящая амбивалентные массовые желания порабощения и освобождения. С их точки зрения, изучение дискурсивной инверсии «порабощение-освобождение» является главной фундаментальной проблемой всей современной политической философии.

В исследованиях представителей Франкфуртской школы критическому анализу подвергаются идеи классического рационализма и либерализма, берущие начало в философском проекте Просвещения.

Наиболее острая критика либерального дискурса общества массового потребления прозвучала в работах Г. Маркузе «Эрос и цивилизация» и «Одномерный человек: Исследования по идеологии развитого индустриального общества», которые по сути стали философско-политической платформой для движения «новых левых». Кроме того, критические воззрения Г. Маркузе уже спустя несколько десятков лет органично вошли в дискурсивный комплекс политической философии антиглобализма, развиваемой в наши дни Н. Хомским, С. Жижекком, А. Бадью, А. Негри, М. Хардтом и др.

В центре внимания Г. Маркузе – дискурс идеологических форм властвования, порожденных эпохой технологической индустриализации и общества массового потребления. Согласно Маркузе, в основе развития современного индустриального общества лежит проект технологической рациональности, который в странах Запада выступает новой идеологической формой господства, охватывающей все сферы общественной жизни и ставящей препятствия перед иными, альтернативными вариантами рациональности. Дискурс проекта технологической рациональности свыступает универсальным дискурсом всей западной культуры и политики [19, с. 262]. Данный проект программирует деятельность человека таким образом, что личность начинает ориентироваться исключительно на удовлетворение таких потребностей и принятие таких социально-политических стандартов, которые выгодны существующим институтам политического господства, служат их сохранению. Новое господство утверждается путем культивирования потребительского рая, комфорта, иллюзии свободного выбора, свободной конкуренции и свободы прессы. При этом все незапланированные потребности, то есть те, которые нарушают тотальность господства технологической рациональности, ограничиваются и подвергаются репрессиям. В итоге общество так называемого изобилия и всеобщего благосостояния оказывается разрушительным, деструктивным по отношению к альтернативным способам жизнедеятельности и мышления, а прогресс западной цивилизации оборачивается усилением деструктивных тенденций в жизни человека. Деструктивность проявляется в отказе человека от свободной самореализации, в порабощении его сознания потребительской идеологией. В результате формируется особый социальный тип «одномерного человека», не способный к восприятию неконформистского образа жизни, и потому отторгающий дискурс перемен. «Как следствие, – пишет Маркузе, – возникает модель *одномерного мышления и поведения*, в которой идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы...» [19, с. 275].

Согласно Маркузе, господствующий идеологический дискурс затемняет фактическое положение вещей, манипулирует политическими образами, осуществляет подмену понятий. В итоге оказывается, что «политическая партия, которая направляет свою деятельность на защиту и рост капитализма, называется «социалистической», деспотическое правительство «демократическим», а сфабрикованные выборы «свободными» [19, с. 253]. Дискурсивные манипуляции, разрушая ценностную систему координат, ослабляют видение противоречивых реалий в целях блокировки протестного мышления [19, с. 355].

В обществе массового потребления, отмечает Маркузе, сфера господства властных инстанций не сужается, а расширяется, административный аппарат становится все более технологичным и разветвленным. «На ступени своего наивысшего развития господство функционирует как администрирование» [19, с. 513].

Маркузе не только вскрывает новые деструктивные формы господства, но и предлагает вариативный проект преодоления социальной одномерности. Первый вариант предполагает крайнее обострение ситуации деструктивности, в результате чего рождаются революционные силы, способные взорвать деструктивное общество изнутри [19, с. 261]. Второй вариант связан с политикой умиротворения протестных сил и восстановлением многомерной действительности, представляющей динамичное диалектическое единство противоположностей.

В англо-американской академической среде в самом начале 1970-х гг. произошло знаменательное событие, ставшее важной вехой в развитии западной политической философии. Речь идет о выходе в свет в 1971 г. новаторской работы американского исследователя Дж. Ролза «Теория справедливости», которая произвела настоящий фурор в англо-саксонском политологическом сообществе¹.

Работа Ролза сразу же вызвала многочисленные отклики, вокруг нее развернулись дискуссии, в которые оказались вовлечены многие известные исследователи. Среди них такие знаковые фигуры, как Ричард Нозик, Майкл Уолцер, Рональд Дворкин, Юрген Хабермас, Поль Рикер, У. Кимлика и др. Авторитет работы Ролза оказался настолько велик, что сослаться на нее стало не просто нормой, но еще и правилом хорошего тона [23, с. 11].

Основная причина успеха книги Ролза состояла в том, что в ней с позиции концепции договорного либерализма серьезной критике подвергались принципы и идеи англо-американского политического утилитаризма, претендующего на монопольную позицию в

¹ Первый текст книги Дж. Ролза, озаглавленной «Справедливость как честность» («Justice as Fairness»), вышел в 1957 г. Затем вокруг нее как ядра стали наслаиваться другие тексты, в итоге чего появился объемистый том под названием «A Theory of Justice», изданный в Гарварде в 1971 г.

методологии политических исследований. Кроме того, автору удалось актуализировать традиционную проблематику и универсальные понятия либеральной политической философии, к каковым относится категория справедливости, и в целом поднять авторитет политической философии как интеллектуально востребованной и практически значимой дисциплины.

К началу 1980-х гг. получают свое развитие новые виды политико-философского дискурса, альтернативные дискурсу традиционной либеральной демократии, но не выходящие полностью за рамки либеральной ориентации. К дискурсивным формациям такого рода принято относить либертарианство, коммунитаризм, мультикультурализм, либеральный феминизм [38, с. 250].

В дискурсе новообразованных течений осуществляется своеобразный синтез традиционных либеральных концептов с концептами, характерными для левого политического дискурса. В итоге в дискурсивный комплекс современного либерализма вошли такие понятия, как «community» «солидарность», «равенство культур», «социальная справедливость».

Само понятие справедливости получает множественные политико-философские интерпретации. Эти интерпретации, конкурируя между собой, формируют дискурсивное поле политической философии начала XXI в. По словам У. Кимлика, автора популярной на Западе книги «Современная политическая философия», в настоящее время главной целью политической философии является «оценка соперничающих теорий справедливости с тем, чтобы сопоставить силу и последовательность их аргументов, подтверждающих правильность их точки зрения» [14, с. 23].

В конце 1980-х гг. в среде западных интеллектуалов широкой популярностью стала пользоваться телеологическая по своей сути идея о том, что в обозримом будущем либерализм как мировоззрение и модель политического устройства общества одержит полную и окончательную победу над всеми альтернативными ему политическими доктринами. Это было обусловлено кризисом, который испытывала в то время мировая система социализма и массированным распространением либерального дискурса в странах социалистического лагеря.

Сезон идейно-политического триумфа либерального дискурса был открыт знаменитой статьей американского политического философа Ф. Фукуямы под интригующим заголовком «Конец истории?», опубликованной в 1989 г. за пять месяцев до падения Берлинской стены. Статья дала толчок для мощной полемической волны, «брызги» которой долетели и до сегодняшних идейных споров, а фигура Фукуямы приобрела черты интеллектуальной поп-звезды.

Статья Фукуямы представляла собой дискурсивный комплекс, который довольно точно выразил идеи и настроения, доминировав-

шие в политических кругах, заинтересованных в окончательном уходе марксизма с идейно-политической арены. Согласно Фукуяме, глубокие перемены, которые происходят в эпоху перестройки в СССР и в других странах социализма, «забивают последний гвоздь в крышку гроба с марксизмом-ленинизмом» [33]. Марксизм-ленинизм с его классовой антикапиталистической риторикой, по мнению Фукуямы, лишился всякой привлекательности в глазах передовых общественных кругов. Те же, кто продолжает считать, что будущее за социализмом, утратили чувство современности. Поскольку коммунистическая идея оказалась на грани полного исчезновения, а либеральная доктрина, напротив, стала чрезвычайно востребованной, то в перспективе, по прогнозу Фукуямы, либерализм превратится в универсальный дискурс и общемировую модель общественной жизни.

Впоследствии Фукуяма, как известно, пересмотрел свои телеологические прогнозы относительно судьбы либеральной идеи. Однако тогда в конце 1980 – начале 1990-х гг., воззрения в духе Фукуямы буквально витали в воздухе и наложили значительный отпечаток на весь процесс последующих трансформаций, которые произошли в мировой политике и мировой политико-философской мысли после крушения советской социалистической системы.

С 1991 г. начинается новая эпоха в истории мировой политической философии – эпоха развития единого дискурсивного пространства, в котором соединились и переплелись многообразные идейно-теоретические направления, уходящие корнями как в традиции западной политико-философской мысли, так и в интеллектуальные традиции бывших социалистических стран.

В России политико-философская мысль во второй половине XX в. претерпевала собственные дискурсивные повороты, которые были отмечены определенными интеллектуальными вехами.

При советском режиме в условиях безраздельного господства официальной марксистско-ленинской идеологии политико-философский дискурс мог развиваться исключительно в дозволенных рамках, а именно – в дискурсивном пространстве марксистской теории и ее борьбы с буржуазной идеологией. Для отечественных исследователей была только одна легальная возможность включиться в дискурсивное поле западной политической философии – работать в жанре марксистской критики буржуазных идей¹.

В советский период труды западных политических философов назывались двояко. Те работы, в которых содержалась левая крити-

¹ К примеру, в журнале «Вопросы философии» в 1970–1980-е гг. существовали такие разделы как «Критика современной буржуазной философии», «Социальные противоречия капитализма и идейная борьба», «Духовный кризис буржуазного общества», «Философия за рубежом», в которых регулярно с позиций марксистской критики освещались философско-политические и иные воззрения зарубежных исследователей.

ка либерального дискурса, принято было именовать социально-утопическими или ревизионистскими. Работы, в которых авторы выступали с позиций либеральных или консервативных идей обозначались как «буржуазная» или «империалистическая» политическая философия [16; 28].

Поворотной вехой в развитии политико-философской мысли советского периода стало создание в 1979 г. в Институте философии РАН СССР сектора философских проблем политики, который стал первым в стране исследовательским центром по изучению политико-философской проблематики. Руководителем сектора вплоть до 1990 г. был член-корреспондент АН СССР В.В. Мшвениерадзе. Под редакцией В.В. Мшениерадзе в 1980 гг. вышли в свет крупные коллективные монографии, внесшие значительный вклад в философское изучение политического сознания, политической власти, проблем мира и общественного прогресса [28]. Особую популярность приобрела коллективная монография «Власть: Очерки современной политической философии Запада» [7], в центре внимания которой оказались концепции и дискурс власти в трактовках современных исследователей – Б. Рассерла, М. Фуко, Э. Канетти, Р. Барта и др.

В 1979 г. произошло еще одно знаковое событие, ставшее стимулом для развития политико-философских исследований в СССР. Это был XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политических наук (МАПН), состоявшийся в Москве по инициативе Советской ассоциации политических наук (САПН)¹.

На конгрессе широко обсуждались политико-философские проблемы войны и мира, международной безопасности, которые и в дальнейшем оказались в центре внимания советских исследователей. Данную проблематику в конце 1970 – начале 1980-х гг. активно разрабатывали Ф.М. Бурлацкий [6], Ю.Я. Киршин [15], П.Н. Федосеев [31], Г.Х. Шахназаров [35] и др.

В период перестройки политико-философская мысль России получила новый импульс для своего развития. С провозглашением концепции нового мышления, направленной на преодоление идеологических барьеров между системами социализма и капитализма, термин «буржуазная политическая философия» постепенно стал уходить из словоупотребления. В это время публикуются исследования, не столько критикующие, сколько спокойно анализирующие современную ситуацию в политической философии стран Запада [36].

¹ Советская ассоциация политической науки (САПН) возникла в 1961 г., ее первым руководителем был Ф.М. Бурлацкий. В 1965 г. Бурлацкий опубликовал в газете «Правда» статью под названием «О политической науке», начав таким образом первую в стране общественную дискуссию о политологии как многоотраслевой и полноценной дисциплине. В 1975 г. САПН возглавил Г.Х. Шахназаров (вице-президент МАПН), которому принадлежит важная роль в организации диалога между зарубежными и советскими политологами.

Стратегия перестройки и гласности породила острый интерес обществоведов страны к теоретическому осмыслению нового политического курса, к изучению проблем демократизации социалистического общества. В итоге в советском общественном сознании сложился дискурсивный комплекс «перестроечных» идей, который стал задавать основные векторы политико-философских исследований [10; 21; 31; 32].

Новый «перестроечный дискурс» опирался на критику сталинизма как разновидности тоталитарного режима, на идею социализма с человеческим лицом, популярную в социалистических странах еще со времен «пражской весны» 1968 г., на концепцию кооперативного социализма Н.Д. Кондратьева и С.К. Чаянова¹.

Альтернативу сталинизму новый «перестроечный» дискурс видел в ленинском идейно-практическом наследии. Призыв «Вперед, к Ленину!» был одним из ключевых лозунгов перестройки.

Проблема соотношения ленинизма и сталинизма стала центральной для политико-философской мысли всей перестроечной поры. Основная полемика развернулась между сторонниками дуалистической модели большевизма, согласно которой не может быть никакой преемственной связи между «хорошим» ленинизмом и «плохим» сталинизмом, и сторонниками гомогенной модели большевизма, которые подчеркивали прямую наследственную связь между ленинизмом и сталинизмом [27, с. 164-182].

С началом дискуссии о взаимосвязи ленинизма и сталинизма в советских интеллектуальных кругах активизировался процесс переоценки не только ленинизма, но и всего марксизма в целом. В центре внимания общественности оказался вопрос о смерти марксизма, что свидетельствовало о радикальном дискурсивном повороте, свершаемом в интеллектуальных кругах страны [29].

В конце 1980-х гг. в российском обществе усиливается недовольство медленным протеканием демократических реформ, происходит резкое падение популярности социалистически ориентированного перестроечного дискурса, наблюдается стремление к выработке нового политического дискурса, альтернативного социалистической риторике. Таковым для части оппозиционных кругов становится дискурс либеральной демократии. Популяризации либерально-демократического дискурса в среде российской интеллигенции в значительной степени способствовали публикации в российских СМИ работ ярких представителей современной западной либеральной мысли – Ф.А. Хайека [34], Дарендорфа [9], Ф. Фукуямы [33] и др.

¹ Реабилитация А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и других репрессированных ученых-аграриев состоялась 16 июля 1987 г. по решению Верховного Суда СССР.

Важной вехой в развитии российской политической философии стали два события научно-организационного плана, которые произошли в январе 1989 г.:

1) появление в номенклатуре ВАК специальности 23.00.01 – «теория и история политической науки», позволяющей защищать диссертации по проблемам политической философии;

2) выход в свет специализированного политологического журнала «Политические исследования» (Полис), ставшего новой интеллектуальной площадкой для политико-философских исследований.

После распада СССР в России заметно ускорился процесс формирования академического сообщества, специализирующегося на изучении политико-философской проблематики. В 1990-е гг. в России выходят в свет первые обобщающие работы по ключевым проблемам современной политической философии Т.А. Алексеевой и И.И. Кравченко [2], К.С. Гаджиева [8], Б.Г. Капустина [12], А.С. Панарина [24].

В 2000-е гг. в профессиональных кругах российских политических философов происходит дискурсный поворот в сторону проблематизации предметного поля и исследовательских задач политической философии. Данные вопросы оказались в центре внимания двух дискуссий, которые состоялись в 2002 г. [26] и 2010 г. [1; 13] на страницах журналов «Вопросы философии» и «Полис».

Участники последних двух дискуссий пришли к общему выводу, что российская ситуация, связанная с осмыслением места политической философии в современном интеллектуальном пространстве, продолжает оставаться противоречивой и даже драматичной. По словам Т.А. Алексеевой, политическая философия в России сегодня переживает не лучшие времена, поскольку до сих пор занятие политической философией не считается среди российских обществоведов делом respectable. Продолжает существовать ложное представление о политической философии как о непрактичном знании [1, с. 55].

С нашей точки зрения, в настоящее время главная задача российской политической философии состоит в выработке адекватных теоретико-методологических ответов на интеллектуальные вызовы, связанные с новыми дискурсными поворотами, совершающимися в современном общественном знании. К таковым в первую очередь относятся:

1) *ideational turn* – поворот к изучению «идеальных» факторов политики, к рассмотрению идей в качестве значимых объяснительных причин политических событий и процессов, к исследованию роли интеллектуальной деятельности в социально-политическом проектировании и политической практике [18, с. 5-24];

2) *перформативный* поворот, концентрирующий внимание исследователей на виртуальном бытии современной политики, на ме-

дийных способах ее существования, на все возрастающей роли дискурса шоу-политики в общественной жизни [28];

3) *трансгуманистический* поворот – обращение к проблематике политосферы будущего, к политике социально-антропологического креатива, связанного с расширением возможностей свободного конструирования телесных и ментальных свойств человека, с повышением коммуникативной мобильности в виртуальном пространстве, с трансформационными возможностями сред обитания [5].

Новые дискурсные повороты, как нам представляется, знаменуют собой наступление постсовременного этапа в развитии политической философии, который не совсем корректно было бы называть постмодернистским. Философия постмодернизма приоткрыла окно в новый постсовременный дискурс, но при этом не стала его исчерпывающим выражением. Дискурс постсовременной политической философии выходит за рамки дискурсного формата постмодернизма, поскольку переходит от постмодернистской парадигмы деконструкции господствующего дискурса к парадигме дискурсного конструирования нового мира, освобожденного от критикуемых форм господства. Теоретический анализ особенностей новой дискурсивной эпохи в истории политической философии – дело ближайшего будущего.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексеева Т.А.* Политическая философия как «практичное» знание // *Полис*, 2010. № 1. С. 54-60.
2. *Алексеева Т.А., Кравченко И.И.* Политическая философия: к формулированию концепции // *Вопросы философии*, 1994. № 3. С. 3-23.
3. *Аренд Х.* *Vita active*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; Под ред. Д.М. Носова. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
4. *Бенетон Ф.* Введение в политическую науку / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2002. 368 с.
5. *Богомяков В.Г.* Дискурс политики третьего тысячелетия. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2010. 140 с.
6. *Бурлацкий Ф.М.* Философия мира // *Вопросы философии*, 1982. № 12. С. 57-66.
7. *Власть: Очерки современной философии Запада* / В.В. Мшвениерадзе, И.П. Кравченко, Е.В. Осипова и др. М.: Наука, 1989. 328 с.
8. *Гаджиев К.С.* Политическая философия. М.: Экономика, 1999. 606 с.
9. *Дарендорф Р.* Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе // *Вопросы философии*, 1990. № 9. С. 69-75.
10. *Дилигенский Г.Г.* Перестройка и духовно-психологические процессы в обществе // *Вопросы философии*, 1987. № 9. С. 3-19.
11. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход / Пер. с англ. А.А. Калинина (предисл., гл. I-IV), Н.В. Эдельмана (гл. V, закл.), М.А. Юсима (предисл. к рус. изд.). М.: Изд-во гос. ун-та «Высш. шк. экономики», 2010. 320 с.
12. *Капустин Б.Г.* Что такое «политическая философия»? // *Полис*, 1996. № 1. С. 83-96; 1997. № 1. С. 145-156; № 2. С. 148-158.
13. *Капустин Б.Г.* Тезисы о политической философии // *Полис*, 2010. № 2. С. 22-30.
14. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / Пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд-во гос. ун-та «Высш. шк. экономики», 2010. 592 с.

15. Киришин Ю.Я. Идеологическая борьба по проблеме войны и мира: основные направления и тенденции // Вопросы философии, 1984. № 5. С. 75-87.
16. Куркин Б.А. Политическая философия в ФРГ (Критика буржуазных и реформистских концепций). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1987. 122 с.
17. Макаренко В.П. Аналитическая политическая философия. М.: Праксис, 2002. 416 с.
18. Малинова О.Ю. Почему идеи имеют значение? Современные дискуссии о роли «идеальных» факторов в политических исследованиях // Политическая наука. М.: ИНИОН, 2009. № 4. С. 5-24.
19. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002. 262 с.
20. Межуев Б. Островная философия России // Эксперт, 2009. 20 нояб. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russia.ru/video/discurs-8105/> (проверено 4.09.2011 г.).
21. Мивениерадзе В.В. Перестройка и политическая наука // Вопросы философии, 1988. № 2. С. 3-15.
22. Мивениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание: Философский аспект. М.: Наука, 1981. 448 с.
23. Павлов А. Гражданская война политической теории // Политическая теория в XX веке: Сб. ст. / Под ред. А. Павлова. М.: ИД «Территория будущего», 2008. С. 7-38.
24. Панарин А.С. Философия политики: Учеб. пособие. М.: Новая шк., 1996. 424 с.
25. Парех Б. Политическая теория: политико-философские традиции // Политическая наука: новые направления / Под ред. Гудина Р., Клингеманна Х.-Д. М.: Вече, 1999. С. 478-494.
26. Политическая философия в России. Настоящее и будущее: (Материалы «круглого стола») / В.А. Лекторский, И.И. Кравченко, М.В. Ильин и др. // Вопросы философии, 2002. № 4. С. 3-30.
27. Русакова О.Ф. Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. 230 с.
28. Русакова О.Ф. Шоу-политика: особенности дискурса // Социум и власть, 2009. № 4. С. 36-39.
29. Умер ли марксизм?: (Материалы дискуссии клуба «Свободное слово») / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, В.И. Толстых и др. // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 19-52.
30. Федорова М.М. Классическая политическая философия. М.: Весь Мир, 2001. 224 с.
31. Федосеев П.Н. Политическая наука и современность // Вопросы философии, 1979. № 9. С. 7-17.
32. Фролов И.Т. Перестройка: философский смысл и человеческое предназначение // Вопросы философии, 1989. № 2. С. 19-34.
33. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии, 1990. № 3. С. 134-147.
34. Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 113-151; № 11. С. 123-165; № 12. С. 103-148.
35. Шахназаров Г.Х. Логика политического мышления в ядерную эру // Вопросы философии, 1984. № 5. С. 63-74.
36. Шестопал Е.Б. Проблема личности в английской политической философии: традиции и современность // Вопросы философии, 1985. № 6. С. 120-131.
37. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ / Пер. с итал. Е. Костюкович. М.: Эксмо, 2007. 592 с.
38. Fowler Booth Robert. Enduring Liberalism: American Political Thought Since the 1960s. Lawrence: Univcrsity of Kansas Press, 1999. 332 p.

RESUME

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Science, full professor, head of Philosophy Division, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, (343) 374-32-27 rusakova_mail@mail.ru

The Intellectual Marks and Discursive Turns in the History of the Contemporary Political Philosophy

The article deals with the intellectual marks and discursive turns in the history of the contemporary political philosophy since the 1950s. In the context of the concrete historical and intellectual situations the contribution of the foreign and soviet-Russian authors into the development of actual political philosophy problems is exposed.

Contemporary political philosophy, intellectual mark, discursive field, discursive turns, discursive complex.

Материал поступил в редколлегию 28.09.2011 г.